

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Петя Трофимов

Петя Трофимов — бывший учитель сына Раневской, утонувшего шесть лет назад. Для Раневской встреча с Петей, так живо напоминающим ей о трагедии, пережитой ею пусть и много лет назад, тяжела и мучительна. Об этом помнит Варя, беспокоящаяся о том, как Любовь Андреевна встретится с Петей, это понимает чуткая Аня. Но Петя... Его попросили подождать до утра, не обрушиваться на чувствительную Любовь Андреевну в первые часы приезда, когда так много на нее нахлынуло впечатлений, воспоминаний, переживаний. Петя врывается именно в тот момент, когда Раневская любуется красотой сада, как когда-то давно, в юности, в прошлой жизни, в тот момент, когда она вся была во власти лирического светлого чувства:

«Раневская. Какой изумительный сад! Белые массы цветов, голубое небо...».

Трофимов: «Любовь Андреевна! *(Она оглянулась на него.)* Я только поклонюсь и тотчас же иду. *(Горячо целует руку.)* Мне приказано было ждать до утра, но у меня не хватило терпения...»

Петин поступок бестактен, но искренен: он любит Раневскую, ценит ее человечность, и, видимо, уже давно влюблен в Аню, по которой скучал пока она ездила за матерью в Париж, — он торопится увидеться с ними. Порывистость, открытость чувств, искренность Пети Трофимова — качества, которые, безусловно, вызывают симпатию. И Раневская не гневается, не впадает в истерику при виде Пети — таком явном напоминании о пережитом ею горе. Она, согласно авторской ремарке, «...обнимает его и тихо плачет». Петя тоже растроган и говорит сквозь слезы.

Потом представление о Пете формируется словами Раневской:

«Отчего вы так подурнели? Отчего постарели?.. волосы негустые, очки. Неужели вы все еще студент?»

Петя согласно подхватывает:

«Меня в вагоне одна баба назвала так: облезлый барин... Должно быть, я буду вечным студентом».

В этой готовности Пети Трофимова согласиться с такой нелестной характеристикой есть что-то настолько щемящее, жалкое, незащитное, наивное и «недотепистое», что понимаешь: на этого героя автор зла не держит, но и не очень его уважает. Первое действие завершается репликой Пети: «*(в умилении)* Солнышко мое! Весна моя!» — по отношению к Ане. Чуть позже Петя будет гневно произносить речь о глупости Вари, которая выслеживает их с Аней, чтобы они не влюбились друг в друга, а еще чуть позже гордо бросит Раневской: «Мы выше любви!» Не очень понятно, что именно он вкладывает в это самое «выше», но совершенно ясно, что причиной его невероятного красноречия и обличительных проповедей во втором действии является самая банальная влюбленность в Аню, желание поразить ее воображение своими достоинствами, благородством и умом.

И Аня заморожена:

«Как хорошо вы говорите!.. Что вы со мной сделали, Петя, отчего я уже не люблю вишневого сада, как прежде. Я любила его так нежно, мне казалось, на земле нет лучшего места, как наш сад».

Петя польщен и с вдохновением резонерствует:

«Вся Россия наш сад. Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест...»

Петя говорит действительно замечательные, очень правильные вещи: о бездействии интеллигенции, о грубости нравов, о неравенстве, о грязи в жизни бедноты, о «нрав-

ственной нечистоте», о том, как все об этом говорят и никто ничего не делает... «Укажите мне, где у нас ясли, о которых говорят так много и часто, где читальни?» – гневно вопрошает он кого-то, кто должен за все ответить. Но навряд ли ответчики сейчас находятся перед ним — Гаев, Раневская, Лопахин, Аня... Его речи правильны, но неуместны, нелепы. Его призывы бесплодны, а завершение длинной вдохновенной речи, обращенной к какому-то условному врагу, словами: «Лучше помолчим!» выдают иронию Чехова по отношению к этому герою. Нет-нет, он искренне верит в то, о чем говорит, но... Вот уже шесть лет он не учится и не работает, то есть делает именно то, против чего выступает так гневно. Правда, Чехов хотел намекнуть между строк о том, что Трофимова все время исключают из университета за революционные взгляды, о чем он писал Ольге Леонардовне:

«Меня главным образом пугала... недоделанность некоторая студента Трофимова. Ведь он то и дело в ссылке, его то и дело выгоняют из университета, а как ты изобразишь сии штуки?»

Но сочувствует ли Чехов этим взглядам? А в особенности этому томительному красноречию и привычному безделью своего героя (ведь за полгода действия пьесы в жизни Трофимова ничего так и не меняется: он как жил, так и живет «на краю чужого гнезда», приживалом, ест хлеб обличаемых им хозяев и учит их жизни)?

И не надо забывать о главном: вишневый сад для Пети — лишь символ крепостничества («Неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа... Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое, покончить с ним, а искупить его можно только страданием, только необычайным, непрерывным трудом»). Петя не замечает красоты сада, ему безразлична его долгая созидательная жизнь, протекавшая не одно десятилетие. И даже хрупкость и беззащитность сада, который в человеческих грехах неповинен, для Трофимова несущественны. Он говорит вроде справедливые вещи о неравенстве и прошлом крепостничестве, но слишком много в его речи патетики и наивного упования на то, что сначала мы «весь мир насилья разроем до основания, а затем...» Затем, как правило, не бывает ничего хорошего. Нельзя рубить корни еще цветущего и прекрасного сада, нельзя губить беззащитную красоту. За это непременно последует расплата — за беспамятство и за предательство памяти предков, за пренебрежение опытом предыдущих поколений, который был, возможно, не очень славным, даже постыдным, но выстраданным, единственным.